

Вторая духовная миссія. Дѣятельность ея.

(1729 1735 г.) Генеральный трактатъ, торжественно подписанный и размѣненный въ Кяхтѣ 14 Іюня 1728 г., составилъ эпоху въ сношеніяхъ Россіи съ Китаемъ. Для пекинской духовной миссіи съ этого времени (до 1858 г.) получила особенную силу статья 5—ая трактата. Этой статьей была разрѣшена посылка въ Пекинъ русскихъ священниковъ и возобновлено обѣщаніе китайскаго правительства выдавать послѣднимъ содержаніе по прежнему прецеденту. При этомъ пекинское правительство обязалось взять подъ свою охрану безпрепятственное отправление въ Пекинѣ религіозныхъ обрядовъ православной церкви. Въ концѣ статьи была разрѣшена присылка изъ Россіи, для изученія мѣстныхъ нарѣчій, шести учениковъ, которые должны были помѣщаться въ Пекинѣ на посольскомъ дворѣ, отданномъ въ распоряженіе русскихъ.

«Гуань или домъ, гласила 5—ая статья, который нынѣ для російскихъ въ Пекинѣ обрѣтается, будетъ для россиявъ и впредь пріѣзжающихъ. Оные сами будутъ жить въ семъ домѣ. А что російскій посоль, иллирійскій графъ Савва Владиславичъ представлялъ о строеніи церкви, слѣлана въ семъ домѣ вспоможеніемъ вельможъ, которые имѣютъ надсмотрѣніе въ дѣлахъ російскихъ. Въ семъ домѣ будетъ жить одинъ лама, (священникъ) нынѣ въ Пекинѣ обрѣтающійся, и прибавятся другіе три ламы, которые придутъ, какъ рѣшено. Когда придутъ, дастся имъ кормъ, какъ дается сему, который прежде пріѣхалъ, и при той же церкви поставлены будутъ. Россіянамъ не будетъ запрещено молиться и почитать своего Бога по своему закону. Кроимъ того, четыре мальчика ученика и два побольшаго возраста, которые и по русски и по латыни знаютъ и которыхъ посоль російскій, графъ Савва Владиславичъ хочетъ оставить въ Пекинѣ для обученія азыковъ, будутъ жить также въ семъ домѣ, и кормъ дастся имъ изъ царскаго иждивенія, а когда выучатся по своей волѣ возмуться назадъ.»

На основаніи указовъ императрицы и святѣйшаго Синода (отъ 18 января 1727 г.) и распоряженій тобольскаго митрополита Антонія, и преосвященнаго Иннокентія иркутскаго, составъ второй миссіи опредѣлился въ такомъ видѣ:

1) Начальникъ миссіи архимандритъ Антоній (Платковскій), и при немъ:

2) Священникъ Іоаннъ Филипповъ Филимоновъ, настоятель забайкальской Тресковской Архангельской церкви.

3) Іеродіаконъ Іоасафъ (Ивановскій). Ученики:

4) Герасимъ Шульгинъ, 5) Михаилъ Леонасьевъ Пономаревъ и 6) Иларіонъ Россохинъ, сынъ священника изъ Селенгинска, всѣ трое изъ учениковъ монгольской школы архим. Антонія.

Священникъ о. Лаврентій и три псаломщика оставлены были старые, состоявшіе при албазинской церкви.

Съ караваномъ Ланга съ рѣки Чикой прибыли еще іеромонахъ Иларіонъ Трусъ и трое учениковъ, назначенныхъ еще въ 1725 г. изъ московской славяно—греко—латинской академіи. Это были: Лука Воейковъ, сынъ тобольскаго воеводы, Θεодоръ Третьяковъ и Иванъ Шестопаловъ (онъ же Яблонцевъ).

Миссія 20 февраля 1729 г. могла выѣхать изъ Селенгинска въ Кяхту, а 17 марта тронулась въ дальнѣйшій путь и 16 Іюня того же года прибыла въ Пекинъ. На основаніи 5-го пункта кяхтинскаго трактата, начальникъ второй миссіи поселился со свитою въ новоотведенномъ для русскихъ посольскомъ дворѣ.

Россійскій посольскій дворъ (Вэй-тун-гуань) съ церковью лежалъ въ самой оживленной части внутренняго города и расположенъ былъ на крайней поперечной улицѣ (Дунъ-цзяо-минъ-сянь). На этомъ мѣстѣ прежде находилось русское торговое подворье, и здѣсь останавливались прежніе посланники, агенты и гонцы. Какъ выгодное по мѣстоположенію, подворье это избранно было посланниками Измайловымъ и Рагузинскимъ для посольскаго двора и монастыря. Оно находилось вблизи императорскаго дворца, приустьевныхъ мѣсть и торговаго китайскаго города. Русскій посольскій дворъ заслонялся съ восточной стороны обывательскими строевіями, тянувшимися вдоль

набережной императорскаго канала. Съ запада и отчасти съ сѣвера мѣсто, уступленное русскимъ, граничило съ площадью, сборнымъ пунктомъ монголовъ, прѣвѣжающихъ въ Пекинъ. Съ другой части сѣверной стороны русское мѣсто было окружено обывательскими домами и (на СВ) большимъ садомъ маньчжурскаго князя третьей степени. Обширный посольскій дворъ, отстроенный вполнѣ къ 1735 году, могъ свободно вмѣстить въ себѣ болѣе 50 человекъ. Но въ 1729 г., во время прибытія второй миссіи, для духовенства не имѣлось особеннаго помѣщенія при церкви и члены духовной миссіи должны были расположиться въ посольскомъ дворѣ. Испытывая стѣсненіе, архим. Антоній 11 февраля 1733 го. въ письмѣ своемъ къ Лангу заявилъ, что для миссіи требовались три стоявшіе близъ церкви дома (двора) которые продавались за 600 ланъ. Эти дома, купленные потомъ по мысли о. Антонія, должны были служить кельями архимандриту и другимъ лицамъ при церкви. Впослѣдствіи о. Антоній пріобрѣлъ еще одинъ домъ (на западъ отъ посольскаго двора) у маньчжура Хоу-минъ-бія и заллатилъ за него 120 ланъ серебра (200 руб.).

Къ этой же эпохѣ относится пріобрѣтеніе русской духовной миссіей земельныхъ участковъ. Первый участокъ земли Га-цзюй былъ пріобрѣтенъ въ 1728 г. (Юнь-чжена 5-го лѣта, 5-ой луны) у вдовы по фамиліи Фу, за 140 ланъ. Онъ находится въ уѣздѣ Тун-чжоу, въ деревнѣ Гэцзюй и, вѣроятно, былъ пріобрѣтенъ у потомковъ албаинцевъ. На владѣніе этой землей была потомъ составлена крѣпость, утвержденная китайскимъ министерствомъ финансовъ. Второй участокъ земли Гао-ли-инъ былъ пріобрѣтенъ въ 1733 г. (Юнь-чжена 10-го лѣта 11 луны) у маньчжура Ши-дэ за 50 ланъ. Онъ находится въ уѣздѣ Шунъ-и, въ деревнѣ Банъ-цю. Третій участокъ земли Цанъ-си-фу былъ купленъ въ 1736 г. (Юнь-чжена 13 лѣта, 4-ой высокосной луны) у бошко (праворщика) по имени Ганъ-гэ за 55 ланъ. Этотъ участокъ находится въ уѣздѣ Цанъ-пинъ-чжоу, въ деревнѣ Вэй-цзя-яо. Наконецъ, четвертый участокъ земли Най-цзы-фанъ, былъ пожертвованъ и закрѣпленъ за миссіей нѣсколько поздиѣ, въ 1741 г. (Цянь луна 5-го лѣта 10 луны). Неизвѣстный владѣлецъ этой земли пожертвовалъ ее въ собственность церковнаго имущества.

Къ прїѣзду въ Пекинъ второй миссіи была отстроена вечернѣ и церковь при посольскомъ дворѣ по китайскому способу на деревянныхъ столбахъ съ заполненіемъ простѣнковъ аршиннымъ кирпичемъ и покрыта черепицей. Такой способъ постройки оказался настолько прочнымъ, что при землетрясеніи церковь устояла и дала лишь небольшую трещину въ ЮВ стѣнѣ не повредившую зданія. Для написанія иконостаса Сенатомъ было предписано коллегіи иностранныхъ дѣлъ послать живописца изъ Москвы. Также требовался и антиминь. По совѣту именитыхъ китайцевъ, а также и новокрещенныхъ было рѣшено освятить церковь во имя Срѣтенія Господня, чтобы престоольный праздникъ (въ февралѣ) приходился близко по времени къ китайскому новому году.

Что касается старой Никольской церкви албазинцевъ, то она просуществовала до 19 августа 1730 г., когда и была разрушена землетрясеніемъ до основанія. Церковная утварь изъ нея перенесена была въ новопостроенную ханскимъ иждивеніемъ церковь, о которой сказано выше. Никольская же церковь была возстановлена албазинскимъ старостой съ прихожанами на свои средства изъ стараго и новаго матеріала и по благословенію епископа иркутскаго освящена 5-го августа 1732 года во имя Успенія Богоматери (15 августа) такъ какъ этотъ день совпадаетъ со днемъ св. Софіи—премудрости Божіей, въ честь которой первоначально была освящена на этомъ мѣстѣ церковь по благословенію тобольскаго митрополита Игнатія (стр. 2). По современному описанію церковь эта называлась Никольскою и «была каменная, одноглавая, глава малая позолочена, колокольня при церкви на 4-хъ деревянныхъ столбахъ съ однимъ колоколомъ, 2-мя китайскими чашами и 4-мя чугунными колокольчиками» Царскія двери были рѣзныя, ветхія (изъ прежней церкви) находились также и иконы и образъ Святителя Николая можайскаго типа.

Община албазинцевъ при второй миссіи состояла почти изъ 50 дворовъ. Архимандритъ Антоній доносилъ что 25 марта 1731 г. девять китайцевъ приняли православную вѣру, а всѣхъ крещенныхъ китайцевъ мужскаго пола было 25 человекъ да 8 готовились ко крещенію. Архимандритъ просилъ прислать 500 крестиковъ и немного денегъ на бѣлыя сорочки крещаемымъ.

Въ бытность второй миссии въ Пекинѣ при албазинской церкви жилъ одинъ священникъ (О. Лаврентій), и трое причетниковъ, прибывшихъ еще въ 1715 г., да еще новокрещенный китаецъ, служившій во псалмопѣніи безъ жалованья. Всѣ они и дожили до прѣзда третьей миссии. У о. Лаврентія былъ свой домъ и полное хозяйство, онъ же занимался и земледѣліемъ, какъ собственникъ земли, полученной имъ по чину 7 степени мандарина. Все имущество свое онъ завѣщалъ потомъ въ албазинскую церковь.

Учениковъ при второй миссии было 6 человекъ. При выѣздѣ своемъ изъ Пекина (въ 1732 г.) Лангъ взялъ съ собою въ Россію Ивана Яблонцева и Θεодора Третьякова, а на мѣсто ихъ оставилъ двухъ московскихъ дворянъ—Ивана Быкова и Алексѣя Владыкина. Всѣ ученики помѣщались въ устроенномъ тогда русскомъ подворьѣ. Отъ русскаго правительства они получали по 130 руб. въ годъ, а отъ китайскаго—по 3 ланы въ мѣсяць (около 6 руб.) и одинаковое съ прочими членами духовной миссии натуральное содержаніе. Для обученія учениковъ языкамъ богдыханъ въ августѣ 1729 г. опредѣлялъ къ нимъ учителей китайскаго и маньчжурскаго языковъ. Изъ числа тогда учившихся голны были къ ученію четверо. Ученикъ Рассохинъ, скоро ознакомившись съ китайскимъ языкомъ, былъ опредѣленъ въ пекинскую коллегію иностранныхъ дѣлъ для перевода бумагъ между руссійскимъ и китайскимъ правительствами, а также и для обученія молодыхъ китайскихъ учениковъ переводу и руссійской грамотѣ. По выѣздѣ его въ Россію (1741), мѣсто его занялъ по указу богдыхана, ученикъ Владыкинъ съ ежегоднымъ жалованьемъ по 40 ланъ (около 80 руб.). Ко времени пребыванія въ Пекинѣ этихъ первыхъ учениковъ относится начало составленія лексикона на 4—хъ языкахъ—русскомъ, латинскомъ, китайскомъ и маньчжурскомъ, что, вѣроятно, было коллективнымъ трудомъ всѣхъ учениковъ. Ученики Лука Воейковъ и Герасимъ Шульгинъ умерли въ Пекинѣ. По свидѣтельству начальника четвертой миссии (ар. Гервасія), Лука Воейковъ купилъ у китайцевъ небольшой кусокъ земли на сѣверѣ отъ Пекина (верстахъ въ 2-хъ отъ албазинской церкви) за воротами Ань-динъ-мынь, гдѣ построилъ дачу. По преданію (отъ арх. Петра, начальника десятой миссии), Воейковъ, умирая въ 1734 г.,

завѣщаль это мѣсто во владѣніе духовной миссіи и здѣсь былъ погребенъ. Съ того времени мѣсто это сдѣлалось кладбищемъ российской миссіи, которая до того времени не имѣла собственнаго и хоронила своихъ членовъ на албазинскомъ.

Вторая духовная миссія не оправдала заботъ о ней російскаго начальства: своими промахами въ нравственномъ отношеніи она испортила первое хорошее впечатлѣніе китайцевъ о представителяхъ православія: свары и нестроенія продолжались, къ тому же и самъ о. Антоній крупно повздорилъ съ агентомъ Лангомъ. Хотя задачи миссіи были въ то время несложны, тѣмъ не менѣе членамъ ея, которые не имѣли въ себѣ прочнаго нравственнаго фундамента, былъ тяжелъ, а иногда и просто невыносимъ подвигъ служенія и пребыванія среди замкнутыхъ китайцевъ и между дичавшими потомками албазинцевъ. Оторванные отъ родины, живя среди самой неблагопріятной азіатской обстановки, въ неустроенномъ еще русскомъ подворьѣ, въ тяжелой борьбѣ съ собою, они сами одичали и впали въ слабости, ведшія за собою наказанія отъ начальства, или болѣзни и смерти. Китайцы во главѣ съ богдыханомъ вообще благодушно относились къ русскимъ и большею частію спокойно смотрѣли на аномалии въ жизни представителей Россіи, потому что ихъ собственные подданные въ Пекинѣ вели себя гораздо хуже, не говоря уже о католикахъ. Духовное же начальство отнеслось строго къ поведенію членовъ второй миссіи.

Святѣйшимъ Синодомъ поручено было агенту Лангу вывезти изъ Пекина архимандрита Антонія, произведши надъ нимъ предварительно слѣдствіе. Последнее, въ духѣ того времени, было очень жестоко. Лангъ подвергъ его тѣлесному наказанію и затѣмъ въ дѣсяхъ, подъ стражей, на его же коштѣ, провезъ архимандрита по всему пути отъ Пекина до Петербурга (въ 1737 г.) Антоній былъ судимъ, лишенъ сана и посланъ подъ надзоръ въ число братіи Троицко—Сергіевой лавры. Въ такомъ положеніи онъ оставался до 1744 г., когда императрица Елисавета Петровна предприняла путешествіе въ означенную лавру. Государыня обратила на него особое вниманіе и, узнавъ объ его участи, повелѣла возвратить ему прежній санъ. Согласно сей Высочайшей волѣ, о. Антоній былъ назна-

ченъ настоятелемъ Переяславль—Залѣскаго Данилова монастыря, гдѣ онъ и умеръ 15 юня 1746 года.

Третья миссія.

(1736-1741 г.)

Въ виду неоднократныхъ просьбъ архимандрита Антонія и на основаніи заключенія Святѣйшаго Синода правительствующій Сенатъ приказали «въ ново-построенную въ Пекинѣ церковь опредѣлить священника, діакона и причетника изъ Святѣйшаго Синода и для отправленія ихъ въ Пекинъ, отослать ихъ въ сибирскій приказъ. На проѣздъ прогонныя деньги дать, что надлежитъ, изъ того же приказу. А въ бытность ихъ въ Пекинѣ жалованье имъ давать: священнику по 300 руб., діакону по 200 руб., причетникамъ по 60 руб. изъ караванной суммы.»

9 сентября 1734 года Ея Императорское Величество, по докладу архіепископа Теофана новгородскаго, словесно указала произвести во архимандрита бывшаго при сибирскомъ караванѣ въ Пекинѣ іеромонаха Иларіона Трусова, который тогда былъ въ Петербургѣ. Онъ происходилъ изъ малороссовъ и 12 лѣтъ служилъ въ Камчаткѣ въ званіи карабельнаго іеромонаха, а потомъ состоялъ при тобольскомъ архіерейскомъ домѣ. По производствѣ въ архимандрита, 14 сентября 1734 г. онъ былъ назначенъ настоятелемъ иркутскаго, что за Байкаломъ, Преображенскаго монастыря и «наказнымъ» архимандритомъ пекинскаго Срѣтенскаго монастыря. Священнослуженіе ему дозволено было совершать въ митрѣ и палицѣ, а посохъ настоятельскій имѣть простой. Въ служебномъ отношеніи ему велѣно было состоять подъ вѣдѣніемъ иркутскаго архіерея, какъ своего мѣстнаго архипастыря. Къ послѣднему начальникъ пекинской духовной миссіи долженъ былъ относиться во всѣхъ затруднительныхъ дѣлахъ касавшихся управленія миссіею и принимавшихъ вѣру китайцевъ, прося у него совѣта и наставленія и донося ему о степени успѣховъ въ приобрѣтеніи новыхъ чадъ Христовой церкви.

При донесеніи (отъ 19 февраля 1734 г.) изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ святѣйшему Синоду была представлена выписка изъ реляціи караваннаго директора Ланга о китайскихъ обстоятельствахъ, между прочимъ о томъ, что изъ 1000

руб., выданныхъ сибирскимъ приказомъ на украшеніе храма, остатковъ недостаточно для исправленія церкви, такъ какъ украшеніе св. иконъ и золоченіе лакированныхъ рамъ должно обойтись болѣе чѣмъ въ 550 ланъ. Лангъ заявилъ «что-де три двора тому архимандриту (Антонію) и священникамъ потребны для того, что въ Посольскомъ дворѣ во время пребыванія каравана, за умаленіемъ покоевъ зѣло тѣсно бываетъ.» Одновременно съ заявленіемъ Ланга, архимандритъ Иларіонъ отъ 30 сентября представилъ св. Синоду доношеніе о двухъ пекинскихъ церквахъ и о необходимости быть при старой церкви одному іеромонаху со старыми причетниками. По статистикѣ новаго начальника миссіи, албазинцевъ въ то время было до 50 дворовъ. Арх. Иларіонъ просилъ въ этомъ донесеніи опредѣлить къ новой церкви причетникомъ курильца Якова Иванова, его воспріемнаго сына, котораго онъ вывезъ изъ «камчатской земли». Къ новостроенной церкви требовалось четыре перемѣны ризъ и стихарей, что можно было сдѣлать въ Пекинѣ, а именно для воскресныхъ, седмичныхъ дней и панихидъ, а для праздниковъ сдѣлать было не изъ чего, потому что кромѣ шелковыхъ приличныхъ матерій (парчи) не находилось. Точно также была нужда въ церковныхъ праздничныхъ сосудахъ, въ евангеліи, митрѣ, кругѣ, церковныхъ книгъ, кадилахъ, регламентѣ, паникадилѣ, двухъ подсвѣчникахъ. Для литья колоколовъ въ Пекинѣ были потребны люди. Не было крестиковъ для новокрещенныхъ и денегъ имъ на рубашки и башмаки. Въ концѣ донесенія упоминалось о необходимости нанимать двухъ сторожей для караула къ церкви. Не забыты были также расходы на воскъ, ладонъ, вино, просфоры, пшено и угли. На послѣднее требовалось до 60 руб. на новую и до 40 руб.—на старую.

6 ноября 1734 года состоялось слѣдующее опредѣленіе Святѣйшаго Синода: 1) объ отиравленіи изъ Россіи архим. Иларіона. Послѣднему было предписано взять двоихъ, прежде посланныхъ изъ Москвы, іеромонаховъ, которые были въ Иркутскѣ, а іеродіакова Виктора оставить въ иркутской епархіи, замѣнивъ его іеродіаковымъ Іоасафомъ, пребывавшимъ въ Пекинѣ. Далѣе новому начальнику миссіи было приказано: 2) взять освященный антминь у іеромонаховъ Лаврентія и Антонія и

по прибытіи въ Пекинъ, освятить новую церковь во имя Срътенія Господня. 3) Изъ сибирскаго каравана, назначеннаго въ Пекинъ, было опредѣлено выдать 2000 руб. для покупки дворовъ, или вмѣсто нихъ построить кельи съ принадлежностями. 4) Выдать новой миссіи паспортъ и листъ къ китайскому трибуналу. 5) При новой церкви на посольскомъ дворѣ быть архимандриту, одному іеромонаху, іеродіакону, двумъ причетникамъ (курильцу и китайцу) и сторожу трапезнику, который состоялъ прежде при албазинской церкви. При старой же церкви состоятъ одному іеромонаху и двумъ старымъ причетникамъ.

6) Въ торжественные и вѣкторіальныя дни служеніе совершать соборнѣ въ Срътенской церкви, куда призывать неотмѣнно учениковъ и увѣщаніями китайскихъ, російскаго благочестія, обывателей. 7) Жалованье архимандриту было опредѣлено 600 руб. въ годъ, а другимъ, предположено было сначала оставить по старому штату и выдать изъ суммъ сибирскаго каравана на каждыя три лѣта впередъ, но Сенатъ увеличилъ этотъ окладъ. Начальникъ миссіи долженъ былъ по третямъ выдавать содержаніе членамъ миссіи подъ расписку. Затѣмъ святѣйшій Синодъ опредѣлилъ отпустить новой миссіи церковный кругъ богослужебныхъ книгъ, напрестольное евангеліе, апостоль, псалтирь съ возсѣдованіемъ, толковое евангеліе, воскресное, благовѣстникъ, уставъ церковный, тріодіонъ, минеи, октоихъ, требникъ, прологъ, соборникъ, служебникъ, ирмологій, букварей 20, псалтирей и часослововъ 20 и азбукъ 30.

Инструкція, данная архимандриту Иларіону Трусову отъ 31-го декабря 1734 г. за № 1983, можетъ считаться первой по времени. Эта инструкція состоитъ изъ одиннадцати пунктовъ и повторялась неоднократно до самаго начала 19-го столѣтія. Заглавіе ея гласитъ: «О должности и дѣйствѣ архимандрита въ содержаніи себя и прочихъ ему порученныхъ и вообще въ управленіи».

Архимандритъ Иларіонъ выѣхалъ изъ Петербурга только вдвоемъ со своимъ крестникомъ — курильцемъ, потому что члены миссіи — два іеромонаха — Лаврентій Уваровъ и Антоній Лыховскій, съ двумя причетниками давно ожидали его въ Иркутскѣ. Новому начальнику миссіи предъ отъѣздомъ былъ врученъ паспортъ и листъ или грамота въ китайскій трибуналъ.

отъ имени російскаго Сената, въ которомъ писалось, что въ виду необходимости отозвать въ Россію Антонія Платковскаго и о. Лаврентія по причинѣ долговременнаго ихъ пребыванія въ Пекинѣ, посланы на мѣсто ихъ трое духовныхъ лицъ съ тремя при нихъ служителями. Послѣ такой рекомендаціи Сенатъ «дружелюбно» просилъ пекинскія власти дозволить вновь посланнымъ священникамъ всякую свободу, благоволеніе, защиту и благодѣяніе; Лаврентія же и Антонія отпустить въ Россію со всякою сводностью и вспоможеніемъ. Новому начальнику велѣно было ѣхать въ Китай съ казеннымъ третьимъ караваномъ, который отправлялся тогда въ Пекинъ подъ начальствомъ агента Ланга и комиссара Ерөөи Фирсова. Къ этому каравану были прикомандированы священникъ Иванъ Гребешковъ съ іеродіакономъ Викторомъ, оставленнымъ въ Сибири. Они были живописцами и предназначались для художественныхъ работъ въ пекинскихъ церквахъ. Лангъ взялъ съ собою еще одного ученика Ивана Шихарева, уроженца Переяславля Залѣскаго. Русскій караванъ вступилъ въ китайскія владѣнія 9-го Іюня 1736 г. и лишь 10 ноября прибылъ въ Пекинъ.

Въ это время въ Пекинѣ произошло важное событіе: богдыханъ Юнь-чжень 27 сентября 1736 г. скончался послѣ 13-лѣтняго царствованія и его мѣсто по завѣщанію занялъ четвертый сынъ его, 25-лѣтній жестокий Цянь-лунъ, по маньчжурски Абкай Вехехе, царствовавшій 60 лѣтъ (до 1796 г.) Послѣ представленія китайскимъ властямъ листа, новый начальникъ миссіи занялся приготовленіями къ освященію, отстроенной на посольскомъ дворѣ, церкви. Освященіе храма было совершено 20 декабря 1736 г. съ тремя іеромонахами, однимъ священникомъ и двумя іеродіаконами. Новый храмъ былъ освященъ во имя Срѣтенія Господня и при немъ съ того времени былъ основанъ Срѣтенскій монастырь.

По новымъ описямъ церковное и прочее имущество было принято новымъ начальникомъ.

Агентъ Лангъ предъ отъѣздомъ изъ Пекина въ апрѣлѣ 1737 г., обратился къ китайскому трибуналу съ разными запросами и между прочимъ поставилъ на видъ, что, имѣя повелѣніе взять съ собою изъ Пекина старшаго священника

Антонія Платковскаго, а на мѣсто его оставить Иларіона Трусова, просить: «дабы вышереченный главный священникъ Трусовъ, такъ и прочіе подъ его властію при обѣихъ церквахъ священники и причетники содержаны были въ покровительствѣ онаго трибунала, а другимъ бо приказамъ до нихъ не было дѣла, и чтобы они здѣсь (въ Пекинѣ) ни въ какихъ другихъ чинахъ не были поверстаны, ниже въ сотнѣ російской были вѣдомы, по христіанскому обыкновенію, другихъ чиновъ имѣть никогда не дозволяется». Пекинскій трибуналъ чрезъ двухъ мандариновъ отвѣтилъ словесно согласіемъ на эту просьбу, обѣщаясь однако выдавать членамъ миссіи кормовое серебро и крупу, при чемъ было дано согласіе и на принятіе новаго ученика Ивана Шихарева. Простясь съ министрами 9 мая, Лангъ на другой день выѣхалъ изъ Пекина, взявъ съ собою подъ арестомъ арх. Антонія, а также священниковъ Лаврентія, Іоанна Гребешкова, съ іеродиакономъ Викторомъ. 23 августа русскій караванъ прибылъ въ Кяхту, а 1-го сентября—въ Селенгинскъ, откуда Лангъ послалъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ дневникъ бытности своей въ Китаѣ и слѣдственное дѣло арх. Антонія.

Оставшіеся въ Пекинѣ члены третьей миссіи занялись продолженіемъ дѣла своихъ предшественниковъ. Въ албазинской церкви, послѣ выѣзда въ Россію священника Лаврентія, служилъ іеромонахъ Лаврентій Уваровъ. Что касается до іеродиакона Іоасафа, то онъ, по свидѣтельству Ланга, находился у китаецевъ въ знатной знаемости, потому что «о случавшихся церковныхъ тако и учениковъ нуждахъ китайскимъ министрамъ представленія производилъ». Умеръ онъ во время пребыванія въ Пекинѣ четвертой миссіи, 13 октября 1747 г.

Въ 40-хъ годахъ 18 столѣтія въ Пекинѣ были живы еще трое старыхъ церковниковъ: дьячекъ, понамаръ и трапезникъ, состоявшіе при албазинской церкви. Въ вилу имѣвшейся въ Россіи надобности въ переводчикахъ съ китайскаго и маньчжурскаго языковъ, вывезенъ былъ въ Россію ученикъ Иларіонъ Россохинъ. Въ Пекинѣ оставалось еще трое учениковъ—Владыкинъ, Быковъ и Шихаревъ. Когда послѣдній изъ нихъ умеръ въ Пекинѣ 16 іюля 1739 г., русское министерство иностранныхъ дѣлъ нашло нужнымъ отправить на убылыя мѣста

еще троихъ учениковъ и назначило къ тому взятыхъ въ 1739 г. изъ московской славяно-греко-латинской академіи Алексѣя Леонтьева, Андрея Каняева и Никиту Чеканова. Ими была открыта школа для китайцевъ, чтобы ихъ учить русскому языку, а самимъ учиться у нихъ китайскому разговорному. Въ то же время они изучали и китайскую литературу. Изъ этой миссіи вышло трое знатоковъ китайскаго и маньчжурскаго языковъ: Алексѣй Владыкинъ, Иванъ Быковъ и особенно Алексѣй Леонтьевъ. Послѣдній зарекомендовалъ себя въ русской литературѣ и многими переводами съ китайскаго и маньчжурскаго языковъ, а также и сочиненіями о Китаѣ.

Іеромонахъ Лаврентій Бобровниковъ, состоявшій намѣстникомъ «посольскаго» Спасопреображенскаго монастыря иркутской епархіи, назначенъ былъ сопровождать караванъ подъ дирекціей Ерофея Фирсова. Ему поручено было произвести въ Пекинѣ дознаніе по доносу одного изъ учениковъ на архимандрита Иларіона. Караванъ Фирсова прибылъ въ Пекинъ 24 сентября 1741 г. и уже не засталъ въ живыхъ архимандрита Иларіона,—онъ умеръ 22 апрѣля.

Когда Фирсовъ возвращался, онъ взялъ съ собою іеромонаха Лаврентія Уварова, уволеннаго изъ миссіи по болѣзни и оставшагося въ иркутской епархіи. Іеромонахъ о. Лаврентій Бобровниковъ, живя въ монастырскихъ кельяхъ, безъ языка и безъ сношеній съ китайцами, не могъ долго вынести своего уединенія, учиться же китайскому языку чувствовалъ себя неспособнымъ. Поэтому, вскорѣ послѣ отъѣзда Фирсова, онъ послалъ прошеніе въ святѣйшій Синодъ объ увольненіи отъ пекинской службы, представляя, что тамъ для проповѣди слова Божія нуженъ настоятель изъ ученыхъ, съ такими же іеромонахами. Новая (четвертая) миссія не застала уже въ живыхъ іеромонаха Лаврентія, который скончался незадолго до ея прибытія въ Пекинъ (24 апрѣля 1745 г.) Подобно архимандриту Иларіону, онъ былъ погребенъ на русскомъ кладбищѣ, которое было въ то время мало и тѣсно. Половина могилы Иларіона Трусова лежала на сосѣдней землѣ китайца и кладбище не было огорожено.

Отправленіе въ Пекинъ четвертой миссіи.

Дѣятельность ея.

2 марта 1742 г. коллегія иностранныхъ дѣлъ донесла (1744-1755 г.) святѣйшему Синоду о смерти въ Пекинѣ начальника третьей миссіи, архимандрита Иларіона. 15 марта того же года состоялось опредѣленіе св. Синода о назначеніи новаго предстоятеля миссіи и о приданіи ему помощниковъ изъ людей, обучавшихся въ ученыхъ школахъ, обѣщая имъ, при увеличенномъ содержаніи, знатное награжденіе и безсмертную славу, отпускъ въ Россію послѣ 10-лѣтняго пребыванія въ Пекинѣ и повышенія по службѣ.

При новой миссіи было опредѣлено трое церковниковъ и она составилась изъ слѣдующихъ лицъ:

1) Архимандритъ Г е р в а с і й Линцевскій, начальникъ миссіи, Кіевлянинъ, изъ Михайловскаго Златоверхаго монастыря. По указу Ея Величества дозволено было ему носить наперстный крестъ.

2) Иеромонахъ Іоиль Врублевскій, членъ миссіи, изъ того же монастыря.

3) Иеромонахъ Θεодосіи Сморжевскій, членъ миссіи, изъ Кіево-Софійскаго монастыря.

4) Иеродіаконъ Іоасафъ, членъ миссіи, оставленный за доброе и постоянное житіе.

5) Созонъ Карповъ, 6) Кирилль Семеновъ и 7) Кирилль Ивановъ—церковники, изъ двухъ послѣднихъ одинъ носилъ еще фамилію Бѣльскаго.

8) Алексѣй Смольницкій, келейникъ арх. Гервасія, опредѣленный потомъ причетникомъ.

9) Тимоѣей Андреевъ, служитель.

10) Матѣей Стороженко, служитель.

Безъ іеродіакона Іоасафа миссія состояла изъ десяти человекъ, согласно 5-ой статьѣ кяхтинскаго трактата. Кромѣ того къ ней

были прикомандированы ученики: Евѣимій Сахновскій и Никита Чекановъ.

Въ соотвѣтствіи съ бывшими предположеніями правительствующимъ Сенатомъ 31 января 1743 года данъ былъ чрезъ святѣйшій Синодъ наказъ архимандриту Гервасію поступать въ Пекинъ по прежней инструкціи, при чемъ въ недоумѣнныхъ дѣлахъ начальникъ миссіи, по прежнимъ прецедентамъ, могъ требовать разсужденія отъ иркутскаго преосвященнаго. Точно также, въ случаѣ недостатка въ жалованьи начальникъ миссіи долженъ былъ обращаться къ преосвященному же иркутскому, который обязывался немедленно удовлетворить просьбы перваго. Въ наказѣ опредѣлялся срокъ пребыванія въ Пекинѣ 7-лѣтній, не считая проѣзда туда и обратно; преподано увѣщаніе архимандриту «всемѣрно тшаться ко обученію себѣ тамошняго китайскаго діалекта». Новой миссіи отпущены свят. Синодомъ разныя книги и въ томъ числѣ: Бароній, Кормчая, Корнелія а Ляниде 11 томовъ, о пришествіи антихриста Стефана Яворскаго, Марка Антонія де Доминуса, азбуки, буквари, часослововъ и псалтирей по 50 экземпляровъ, катихизисовъ 10, формы возношеній на ектеніяхъ и т. п. Съ своей стороны и члены миссіи захватили съ собою разныя книги и школьные учебники, оставшіеся потомъ въ миссіи.

Вслѣдствіе сношеній свят. Синода съ коллегіей и иностранныхъ дѣлъ, четвертой миссіи 14 февраля 1743 г. былъ выданъ рекомендательный листъ отъ имени російскаго Сената къ пекинскому трибуналу, въ которомъ выражалась, по обыкновенію, просьба оказать защиту и благоволеніе членамъ миссіи. Въ особомъ наставленіи начальнику Миссіи говорилось, что онъ долженъ листъ отъ Сената передать въ пекинскій трибуналъ надлежащимъ образомъ, для чего долженъ былъ воспользоваться указаніями іеродіакова Іоасафа, «который по давной тамо бытности, знанію китайскаго языка и постоянному и доброму житію у китайскихъ министровъ почтеніе и довѣріе имѣеть». Вслѣдствіе этого онъ и оставленъ былъ въ Пекинѣ. Далѣе въ наставленіи шла рѣчь объ ученикахъ «и надлежитъ ему, архимандриту, надъ всѣми тѣми учениками въ прилежномъ ихъ обученіи манзурскаго и виканскаго языковъ и письма и при томъ въ постоянномъ и въ воздержномъ житіи крѣпкое смотрѣ-

ніе имѣть. А о наукахъ ихъ и состояніи и о прочемъ, писать въ коллегію при всякихъ случающихся оказіяхъ обстоятельно». При этомъ выражено желаніе, чтобы двое или нѣсколько учениковъ обучались японскому языку, и если для нихъ не найдется въ Пекинѣ учителя, то послать бы ихъ въ города, близъ лежащіе къ Японіи, или въ самую Японию. Въ заключеніе предписывалось «къ Никольской албазинской церкви послать искуснаго священника, чтобы ему и жить при той церкви».

Въ Иркутскъ миссія прибыла 12 октября 1743 г. Лангъ, бывший въ то время иркутскимъ губернаторомъ, извѣстилъ о новой миссіи ургинскихъ правителей 18 ноября. Комендантъ Селенгинска Якобій переслалъ бумагу Якобія къ Тушетухану и 1 декабря посланецъ его вернулся изъ Урги съ такимъ отвѣтомъ: «по трактату (1728 г.), отправленнымъ отъ російскаго Сената священникамъ въ Пекинъ надлежитъ ходить при караванѣ, и для того оный архимандритъ со священники и причетники имѣютъ быть удержаны». Вслѣдствіе этого четвертая миссія, прибывшая было въ Селенгинскъ, вынуждена была вернуться въ Иркутскъ, гдѣ и стала ожидать дальнѣйшаго о себѣ распоряженія и будущаго каравана. По представленію сибирскаго приказа 5 марта 1744 г., велѣно было отправить въ Китай пятый казенный караванъ, директоромъ котораго былъ назначенъ ассесоръ Герасимъ Лебратовскій, бывший прежде иркутскимъ пѣвчимъ. Весною четвертая миссія снова перебралась въ Кяхту, гдѣ 2 мая арх. Гервасій служилъ торжественный молебенъ по случаю окончанія войны со шведами. По прибытіи Лебратовскаго миссія переѣхала границу 1 сентября 1745 г. Ѣзда по монгольской степи была крайне медленна отъ плохихъ лошадей. Дорогой пришлось покупать новыхъ за 500 руб. Въ Пекинъ караванъ прибылъ лишь 27 ноября 1745 г.

По прежнимъ примѣрамъ, русскимъ, при въѣздѣ въ городъ, была отдана честь: отрядъ солдатъ съ распушеннымъ знаменемъ былъ разставленъ на башняхъ, гдѣ гремѣли мѣдные тазы и деревянные бубны. 15 декабря директоръ каравана съ о. архимандритомъ и всею свитою были позваны въ трибуналъ виѣшнихъ сношеній, гдѣ вручили министрамъ вѣрительныя о себѣ грамоты. Послѣ разсмотрѣнія въ рекомендательномъ листѣ состава четвертой миссіи, пекинскія власти дозволили остаться въ

Пекинѣ только 10 человекамъ, въ томъ числѣ троемъ причетникамъ—Карпову, Семенову и Иванову, а также Алексѣю Смольницкому. Арх. Гервасій хотѣлъ оставить въ Пекинѣ трехъ старыхъ церковниковъ и трехъ служителей, но трибуналь болѣе двухъ человекъ не принялъ. Выѣхавъ изъ Пекина 6 іюня 1746 г., г. директоръ каравана Лебратовскій взялъ съ собою въ Россію и двоихъ учениковъ, Алексѣя Владыкина и Ивана Быкова.

Новые миссіонеры нашли миссію въ большомъ упадкѣ и, по обыкновенію, стали, насколько было возможно, улучшать свое положеніе, что, впрочемъ, не избавило ихъ отъ слѣдствія монотонной жизни и не помѣшало ихъ пріемникамъ найти также полный упадокъ во всемъ ихъ хозяйствѣ. При четвертой миссіи составлена подробная опись имущества, а также заведены приходо—расходныя книги. Посольскій дворъ за десять лѣтъ (съ 1735 г.) пришелъ въ ветхость. Его обыкновенно починяли на скорую руку сами китайцы передъ прибытіемъ каравана. Въ жалкомъ положеніи находились и помѣщенія для членовъ миссіи: на монастырскомъ дворѣ у іеромонаха съ іеродіакономъ въ кельяхъ не было печей и потолоковъ, окна были заклеены бумагой. Архимандричьихъ покоевъ вовсе не было, и начальникъ миссіи долженъ былъ жить, гдѣ придется. Миссія постепенно расширяла мѣсто своего владѣнія около албазинской церкви, которая затѣмъ постепенно также перешла въ вѣдѣніе православныхъ миссіонеровъ. Но, во время четвертой миссіи, при Никольской церкви не жили еще русскіе священнослужители, и богослуженіе совершалось въ ней повременно. Церковь албазинцевъ состояла на храненіи и въ завѣдываніи престарѣлаго албазинца Леонтія. Она также обветшала и была ремонтирована при пятой миссіи, какъ и Срѣтенскій храмъ и кладбище.

Дѣятельность четвертой миссіи, служа въ общемъ продолженіемъ предшествующей, отличалась благоповеденіемъ членовъ ея и индивидуальными способностями ихъ, какъ-то въ быстромъ усвоеніи разговорнаго китайскаго языка, что послужило основаніемъ святѣйшему Синоду доволить, состоящимъ въ Пекинѣ іеромонахамъ принимать православныхъ людей на исповѣдь. Практика жизни мало соответствовала подобнымъ распоряженіямъ: знаніе языка было все же недостаточное и 7-лѣтній

срокъ пребыванія миссіи былъ слишкомъ малъ. Самое пребываніе въ такой дали и глуши составляли великій трудъ для православныхъ миссіонеровъ. Вынужденные сидѣть за двумя стѣнами, члены миссіи могли выѣзжать за городъ лишь лѣтомъ. Въ Радуну они посѣщали кладбища—албазинское и русское, для совершенія панихидъ. Съ албазинцами жили не въ лаллахъ, и тѣ не давали имъ ключей отъ своей церкви. О состояніи албазинской паствы нѣтъ прямыхъ свидѣтельствъ за это время. Что оно было плачевнымъ, это видно изъ близкихъ по времени доношеній начальника пятой миссіи. Язычество все сильнѣе захватывало своимъ вліяніемъ потомковъ русскихъ, родившихся и воспитавшихся въ китайской средѣ. Нравственныхъ же силъ у нихъ не доставало для отпора неблагоприятнымъ вліяніямъ пекинской жизни. Послѣднія были такъ сильны, что дѣйствовали болѣзненно на самихъ членовъ миссіи. Такъ умерли: іеромонахъ Іоиль (21 апрѣля 1747 г.), іеродіаконъ Іоасафъ (13 октября), ученики—Никита Чекановъ (13 ноября 1752 г.) и Андрей Каняевъ (23 февраля 1756 г.).

Несмотря на веселыя развлеченія учениковъ во время пребыванія Лебратовскаго въ Пекинѣ, успѣхи ихъ въ наукахъ все же были очевидны. Они продолжали составленіе и переводъ лексикона и грамматики китайскаго языка и въ то же время упражнялись въ разговорномъ языкѣ, подготовляясь къ драгоманской службѣ. Имъ удавалось даже узнавать полезные для Россіи секреты. Въ бытность въ Пекинѣ маіора Шокурова въ 1743 г., онъ бралъ съ собою въ китайскій трибуналъ учениковъ Ивана Быкова и Алексѣя Владыкина, въ качествѣ толмачей. Алексѣй Леонтьевъ и Владыкинъ считаются одними изъ главныхъ составителей китайскаго и маньчжурскаго словарей въ 18 столѣтіи. Коллегія иностранныхъ дѣлъ, указомъ отъ 6 февраля 1755 г., не преминула предписать, изъ двухъ учениковъ одного—Сахновскаго, оставить въ Кяхтѣ при таможенѣ, другого—Леонтьева, прислать въ коллегію; посылаемымъ же для изученія языковъ ученикамъ быть съ пріѣзда ихъ туда по 12 лѣтъ, а по прошествіи сего срока, возвращаться въ Россію. Директоръ новаго каравана, Алексѣй Владыкинъ, бывшій въ Пекинѣ въ 1755 г., представилъ въ російскій Сенатъ ландкарту китайскихъ провинцій и планъ Пекина, при чемъ

объяснилъ, что карта и планъ были получены для ерисовыванія изъ ханской бібліотеки, на что издержано было 1500 руб. Алексѣй Леонтьевъ, жившій при четвертой миссіи (умеръ въ 1786 г.), собралъ тамъ много данныхъ изъ китайскихъ и маньчжурскихъ источниковъ, которыя въ бытность свою переводчикомъ при російской академіи наукъ, разработалъ во многихъ своихъ произведеніяхъ.

Пекинское правительство не воспрещало взаимообщенія христіанскихъ миссіонеровъ, но всегда предпочитало православныхъ—католикамъ. Китайцы не раздумали избавиться отъ іезуитовъ и предлагали членамъ російской миссіи принять на себя тѣ ученые должности, которыя обыкновенно несли іезуиты, напр.: должности астрономовъ, физиковъ, математиковъ, механиковъ, музыкантовъ, докторовъ и т. п. Но русскіе миссіонеры, не смотря на способность нѣкоторыхъ изъ нихъ, всегда отказывались отъ подобныхъ предложеній и соглашались быть только наставниками русскаго языка въ Русско-маньчжурской школѣ, основанной въ 1758 г., а также состоять переводчиками дипломатическихъ бумагъ при трибуналѣ внѣшнихъ сношеній. При всей своей слабости, православная миссія въ этотъ періодъ заявила себя первой попыткойъ обозрѣть свою семидесятилѣтнюю судьбу въ Пекинѣ. Іеромонаху Θεодосію Смержевскому принадлежитъ честь быть первымъ авторомъ исторіи пекинской духовной миссіи. Произведеніе его хранилось въ Пекинѣ до времени 11 или 12 миссіи, затѣмъ къ-то изъ членовъ было взято и вывезено въ Россію, гдѣ и продолжаетъ оставаться въ частныхъ рукахъ. Выписка изъ этого труда помѣщена въ изданіи Н. И. Веселовскаго «Матеріалы для исторіи російской духовной миссіи въ Китаѣ» (С.-П. 1905 г. ст. 65-71). О. Даниль, видѣвшій рукопись о. Θεодосія, называетъ ее «журналомъ». Согласно съ болѣзненнымъ характеромъ автора, его исторія миссіи отличалась желчнымъ тономъ. Онъ описывалъ преимущественно темныя стороны жизни православныхъ миссіонеровъ.

Въ концѣ записки написано собственною рукою Смержевскаго. «Сей трудъ кончилъ я грѣшный іеромонахъ Θεодосій Смержевскій 1751 года, генваря 22 числа въ 36-е лѣто отъ рожденія своего.»

Второе произведение Θεодосія Смержевскаго «Объ іезуитахъ въ Китаѣ» напечатано въ 19 и 20 частяхъ Сибирскаго Вѣстника и состоитъ изъ 100 параграфовъ. Это очень интересная характеристика положенія іезуитовъ въ Пекинѣ и Китаѣ.

Четвертая миссія, вмѣсто назначенныхъ 7 лѣтъ, прожила въ Пекинѣ болѣе 10 лѣтъ. Къ 1755 г. изъ состава ея оставались въ живыхъ: архимандритъ Гervasій, іеромонахъ Θεодосій и церковники Созонъ Карповъ, Кирилль Семеновъ, Кирилль Ивановъ и Алексій Смольницкій. По прибытіи въ Пекинѣ нятой миссіи 23 декабря 1754 г. при караванѣ съ директоромъ А. Владыкинымъ, четвертая миссія выѣхала съ послѣднимъ изъ Пекина 4 Іюня 1755 г., на Кяхту, прибыла 5 сентября того же года, а въ Петербургъ въ началѣ 1756 г.

Въ вознагражденіе за труды и добродѣтельную жизнь, засвидѣтельствованную самими китайцами, архиман. Гervasій назначенъ былъ во епископа Переяславльскаго и получилъ хиротонію въ столичной соборной церкви Петра и Павла 27 іюля 1757 г. Въ исторіи русской церкви онъ оставилъ по себѣ имя ревностнаго пастыря (ум. 22 декабря 1769 г.). Іеромонахъ Θεодосій, примирившись со своимъ начальникомъ, получилъ санъ архимандрита и настоятельство въ Спасо-сѣвскомъ монастырѣ, гдѣ вскорѣ (1758 г.) и скончался.

Составленіе и отправленіе въ Пекинъ пятой миссіи. Дѣятельность ея.

(1755-1771 г.)

Дѣло о замѣнѣ четвертой миссіи новою началось еще въ 1751 г., но за разными обстоятельствами протянулось долго. Сенатъ отъ 9 марта 1753 г. увѣдомилъ св. Синодъ объ отправленіи въ Китай каравана съ директоромъ Алексѣемъ Владыкинымъ, при чемъ духовное начальство приглашалось не упустить времени для отправленія новой миссіи.

Послѣ справокъ въ синодальномъ архивѣ на счетъ посылки въ Китай прежнихъ миссій, начальникомъ былъ избранъ іеромонахъ Амвросій (Юматовъ), учитель школы піитики въ московской славяно-греко-латинской академіи. Онъ родился въ 1717 г. и по происхожденію былъ москвичъ; учился 10 лѣтъ въ московской академіи, а потомъ 8 лѣтъ состоялъ въ ней профессоромъ. Первый изъ великороссовъ начальникъ миссіи оказался человекомъ благоразумнымъ, равнаго и спокойнаго характера. Эти качества много помогли ему на новомъ мѣстѣ служенія. Свое благоразуміе о. Амвросій показалъ прежде всего въ томъ, что облегчилъ начальству трудъ приисканія членовъ миссіи. Последняя почти вся была организована въ Москвѣ и составъ ея оказался очень хорошъ. Въ своемъ доношеніи св. Синоду о. Амвросій просилъ назначить въ члены миссіи Иконоспаскаго училищнаго монастыря казначея, іеромонаха Софронія (Агіевскаго), который самъ пожелалъ ѣхать въ Китай, да Новоспасскаго монастыря іеродиакона Сергія «житія и воздержанія честнаго и трезваго», церковниковъ изъ учениковъ московской академіи: изъ риторики — Стефана Зимины, изъ піитики — Илью Иванова и Алексѣя Данилова, «состоянія добраго и къ тому имѣвшихъ желаніе ѣхать въ Пекинъ.» Синодъ утвердилъ этихъ лицъ, а вакантная должность второго іеромонаха была также вскорѣ замѣщена іеромонахомъ Сильвестромъ (Спицынымъ), обучавшимся въ казанской епархіи. При немъ былъ сынъ его Григорій, да два служителя. Такимъ образомъ со-

ставъ новой миссіи опредѣлился въ 14 человекъ. Указъ св. Синода о перемѣнѣ миссій состоялся 11 іюня 1753 г.

По прежней практикѣ, пятой миссіи положено было находиться въ ближайшемъ вѣдѣніи у епископа иркутскаго, которому начальникъ миссіи долженъ былъ посылать надлежащіе рапорты и представленія по случавшимся потребностямъ и въ недоумѣнныхъ духовныхъ дѣлахъ требовать его разсужденія.

14 іюня 1753 г. вновь образованная пятая миссія въ полномъ составѣ была собрана въ канцелярію св. Синода, гдѣ ей было объявлено, чтобы она была въ готовности отправиться въ Пекинъ, но это еще не скоро совершилось. Для новаго начальника сначала была найдена коляска съ двумя лошадьми и конюхомъ изъ оставшихся послѣ бывшихъ синодальныхъ экономовъ. Она хранилась въ синодальномъ дворѣ. Еще указомъ св. Синода разрѣшено было выдать о. Амвросію крестъ съ серебряной цѣпочкой изъ хранившихся у синодальнаго разночюга и оставшихся по смерти духовныхъ персонъ. Также было выдано азбукъ, часослововъ, псалтирей по 50 экз., катихизисовъ 10 экз., нѣсколько формъ и табелей, біблія, творенія Іоанна Златоустаго въ 11 томахъ на латинскомъ языкѣ и св. миро. Въ это время въ Св. Синодъ поступило доношеніе коллегіи иностранныхъ дѣлъ (отъ 31 іюля 1753 г.) о томъ, что въ составѣ пятой миссіи слишкомъ много людей, при чемъ выражалось опасеніе, чтобы съ новой миссіей не повторилась прежняя исторія-высылки обратно изъ Пекина лишнихъ членовъ. Однако о. Амвросій упростило начальство оставить полный составъ миссіи.

Наконецъ новые миссіонеры 24 августа 1753 г. двинулись изъ Москвы, нанутствуемые молитвами и благопожеланіями родныхъ и знакомыхъ. 12 сентября миссія прибыла въ Казань, 21-го выѣхала оттуда. 8 октября достигла Соликамской, гдѣ и пріютилась при Вознесенскомъ монастырѣ и стала ожидать зимняго пути, для чего закупила сани. 7 ноября выѣхали дальѣ и 24-го того же мѣсяца прибыли въ Тобольскъ, гдѣ нашли пріютъ въ домѣ преосвященнаго Сильвестра, митрополита тобольскаго. 14 декабря выѣхала изъ Тобольска и 22-го прибыли въ Туру, гдѣ провели праздникъ; 28-го двинулись дальше и въ Томскъ прибыли 11 января 1754 года. Здѣсь пробыли до

30-го января, живя въ Алексѣевскомъ монастырѣ. 9—февраля прибыли въ Красноярскъ, а 28 февраля миссія прибыла въ Иркутскъ, гдѣ и представилась епископу Софронію (1753-1774). Выѣхавъ отсюда 24 марта, миссія благополучно переѣхала чрезъ Байкаль и остановилась въ Селенгинскѣ, гдѣ пограничная канцелярія стала готовить для пути по Монголіи колесы подъ коляску, телѣги, лошадей и людей для управленія обозомъ. 4 мая въ Селенгинскъ прибыли четыре студента, назначенные въ Пекинъ. Для нихъ было приготовлено жалованье пушиною рухлядью на 4 года впередъ, потому что прежніе студенты, за неприсылкой жалованья во время, заняли въ долгъ у иностранной коллегіи 300 р. 15 сентября караванъ съ миссіей отправился изъ Кяхты въ Китай и прибылъ въ Пекинъ 23 декабря 1754 года. 29-го числа директоръ каравана подалъ въ трибуналъ вышнихъ сношеній рекомендабельныя грамоты отъ Сената, послѣ чего 26 января 1755 г. былъ открытъ російскій дворъ для мѣновой торговли, продолжавшейся нѣсколько мѣсяцевъ. По принятіи трибуналомъ посланнаго съ архимандритомъ Амвросіемъ листа на счетъ миссіи, въ Пекинѣ было оставлено только шесть человекъ. Третьяго же церковника вмѣстѣ съ тремя служителями и учениками старыми и вновь присланными китайское правительство выслало въ Россію.

Полученныя отъ арх. Гервасія 1432 ланы новый начальникъ миссіи употребилъ на церковныя потребности и на устройство монастыря. Въ 1756 г. онъ устроилъ архимандричьи кельи (съ южной стороны церкви) по російскому манеру. Въ томъ же году каждому іеромонаху были переправлены квартиры, по три покоя въ одной линіи (на сѣверъ отъ церкви) и вновь перекрыты черепицею, а внутри покоевъ были сдѣланы потолки и простѣнки дощатые и раскрашены, при чемъ были выложены печи подпольныя (на китайскій манеръ). Затѣмъ для церковнослужителей было вновь построено въ 1657 г. пять покойцевъ каменныхъ. Въ 1769 г. еще построены два каменные покоя для пріѣзжихъ россіянъ (на посольскомъ дворѣ). Въ окна церкви и келій была вставлена слюда, оставшаяся послѣ умершаго іеродіакона Іоасафа. Вслѣдъ за тѣмъ въ 1757 г. (на западъ отъ колокольни) былъ вырытъ колодезь, глубокій и

кирпичемъ обложенъ. Вокругъ колодца устлано плитами дикаго камня и ограда церкви обсажена кедровыми деревьями. Въ 1760 г. была построена каменная хлѣбная для печенья просфоръ и хлѣбовъ для общей трапезы; двѣ поварни, баня и конюшня построены каменные же, а также-сарай большой каменный для поклажи разныхъ вещей (за настоятельскими покоями). Ограда каменная съ двухъ сторонъ церкви и противъ братскихъ келій была построена въ 1764 году. Всѣ дорожки по монастырю выстланы дикимъ камнемъ и кирпичемъ. Въ саду посажено 37 виноградныхъ лозы и для поддержанія ихъ построено 17 столбовъ каменныхъ, а въ удобныхъ мѣстахъ разсажены разныя деревья.

Одновременно съ устройствомъ южнаго подворья арх. Амвросій обратилъ вниманіе и на албазинскую церковь. До пятой миссіи она находилась въ полномъ завѣдываніи самихъ албазинцевъ, при о. Амвросіи она переходитъ уже въ вѣдѣніе православной миссіи. Въ 1755 г. на починку въ ней стѣны и прочаго отдано было вновь избранному церковному старостѣ Федору Яковлеву 80 руб. Черезъ 10 лѣтъ эта церковь за ветхостью была перекрыта и переправлена, а внутри церкви и трапезы былъ сдѣланъ потолокъ дощатый. Здѣсь построена колокольня деревянная (въ 1764 г.) четверугольная; внутри ея было повѣшено четыре колокола да два большіе таза мѣдные для благовѣсту и звону. Въ томъ же году, впервые, была сдѣлана ограда каменная (сажень 20 въ длину и 10 въ ширину) съ запада, сѣвера и востока, а съ южной стороны три покоя каменные старые, въ которыхъ стали жить іеромонахъ съ церковникомъ для священнослуженія. Эти покои перестроены были снова въ 1765 году. Въ томъ же году вмѣстѣ со святыми воротами были построены при нихъ два покоя каменные. При церкви и на переднемъ дворѣ были посажены четыре виноградныя лозы и нѣсколько деревьевъ. Наконецъ, арх. Амвросій взялъ у албазинцевъ ключи отъ церкви, изъ которой нѣкоторыя церковныя вещи внесъ въ общую опись. Къ Никольской церкви принадлежали три двора (дома) прикладные, т. е. пожертвованные въ церковь по завѣщанію.

Къ пріѣзду пятой миссіи албазинцы охладѣли къ православной вѣрѣ и большая часть албазинскаго рода въ русской сот-

нѣ была некрещена. Архим. Амвросій всячески сталъ увѣщавать и поучать некрещеныхъ албазинцевъ черезъ толмачей крещеныхъ ихъ же рода представляя имъ въ примѣръ благочестіе ихъ предковъ и отцевъ. Такимъ образомъ изъ ихъ среды удалось приобрести въ христіанскую вѣру 35 чел. обоого пола. Къ 70-мъ годамъ 18 столѣтія въ русской сотнѣ, при церкви находилось потомковъ албазинцевъ 50 человекъ и всѣ крещены. Изъ нихъ 15 чел. были обучены славянской грамотѣ и въ церкви во время службы пѣли и читали. Въ 17-лѣтнюю бытность арх. Амвросія изъ природныхъ маньчжуръ и китайцевъ крещено 220 человекъ. Съ 1755 по 1763 г. велась запись исполнявшихъ христіанскій долгъ исповѣди и св. причащенія.

„Во время гоненія на христіанъ римскаго закона въ 1768 г. Божіею помощію и защищеніемъ, до нашихъ греко-россійскихъ христіанъ албазинскаго рода китайское правительство не касалось, потому что знаетъ, что они суть русскіе потомки, а подъ ихъ видомъ и прочіе изъ маньчжуровъ и китайцевъ крещеные безопасно ходили въ церковь на славословіе Божіе. Въ 1768 г. опубликованъ былъ указъ богдыхана весьма грозный и запретительный: всѣмъ маньчжурамъ, китайцамъ, мунгаламъ и корейцамъ не принимать чужестранную вѣру подъ жестокимъ наказаніемъ, но пребывать бы всѣмъ въ природномъ своемъ законѣ. Такая строгость наблюдалась въ одинъ описанный годъ, а послѣ (въ православной миссіи) было крещено опять 10 чел. безъ опасенія, потому что верховный ихъ парламентъ не столь строго сталъ наблюдать запретительный указъ и слѣдствіе о римскихъ христіанахъ прекратилось. Къ сему же доброе и ласковое обхожденіе со знатными господами покрывало и помогало о. архим. Амвросію, такъ что онъ могъ и потомъ приводить во святую христіанскую вѣру съ такимъ же порядкомъ и обхожденіемъ».

Во время пребыванія въ Пекинѣ пятой миссіи возникло много дипломатическихъ вопросовъ, въ разрѣшеніе которыхъ впервые стали вступать великороссы, начальникъ и бывшіе члены ея, въ лицѣ Владыкина, Леонтьева и Сахновскаго. Особенно вопросъ о дозволеніи свободнаго плаванія по Амуру, возникшій почти черезъ 70 лѣтъ послѣ нерчинскаго трактата (въ 1789 г.). Не смотря на неблагоприятное разрѣшеніе для Россіи нѣкоторыхъ вопросовъ, самая постановка и веденіе ихъ

ясно показали пользу для нихъ пребыванія православной миссіи въ Пекинѣ и опредѣляли на будущее время пункты ея дѣятельности въ этомъ направленіи. Здѣсь нельзя не отмѣтить выдающейся роли учениковъ миссіи. Она настолько была полезна для Россіи, что вызвала неудовольствіе со стороны пекинскаго трибунала, который увидалъ въ нихъ опасныхъ знатоковъ системы веденія дѣлъ китайскою дипломатіею.

Благодаря своимъ способностямъ и характеру о. Амвросій занялъ въ это время выдающуюся роль. По словамъ Зимина, «въ столичномъ китайскомъ городѣ російскаго резидента не имѣется, но вмѣсто него русскій архимандритъ имѣеть сношеніе съ трибуналомъ, изъ котораго присутствующіе, а также и изъ прочихъ коллегій господа, часто пріѣзжаютъ въ русскій посольскій дворъ въ высокаторжественные дни и въ господскіе праздники для смотрѣнія церковной церемоніи и украшенія. Архимандритъ, для російской славы и радости, угощаетъ ихъ трапезою на свой счетъ, а нужнѣйшихъ особъ для всякихъ случаевъ презентуетъ російскими вещами. На таковыя приемы и подарки расхочется у архимандрита не малая сумма». Китайское правительство въ то время не очень благосклонно относилось къ Россіи, поэтому отъ о. архимандрита требовалось много сообразительности и умѣнья, чтобы ослаблять надвигавшіяся на отечество грозы китайскаго неудовольствія и успокаивать неумѣстныя и неумѣренныя претензіи пекинскаго правительства. Отстаивая всѣми силами интересы дорогой родины, начальникъ миссіи не разъ этимъ самымъ вызывалъ личное неудовольствіе на себя и на миссію со стороны китайскихъ властей.

Въ доношеніи своемъ св. Синоду отъ 21 декабря 1755 г. архим. Амвросій указывалъ на неудобство присылки въ миссію мягкой рухляди вмѣсто жалованья. Китайцы не давали и половинной цѣны за нее. Кромѣ того мягкую рухлядь нельзя было пересылать помимо каравана, а послѣ 1754 г., въ Пекинъ караваны перестали отправляться. Вслѣдствіе этого на 1758 г. и на послѣдующіе жалованье миссіи не было отправлено. Китайскіе же пограничные управители въ это время отказались принимать къ пересылкѣ въ Пекинъ не только жалованье, но и пакеты. За наставшимъ съ китайскимъ дворомъ несогласіемъ

по разнымъ дѣламъ нельзя было посылать въ Пекинъ и курьера. Тогда коллегія иностранныхъ дѣлъ приказала передавать китайскимъ купцамъ за поручительствомъ другихъ купцовъ товары, а они отдавали бы въ Пекинъ за нихъ деньги. Селенгинскій комендантъ пробовалъ и этотъ способъ передачи, но неудачно. Въ концѣ концовъ было рѣшено просить монгальскихъ пограничныхъ управителей о присылкѣ рухляди въ Пекинъ хотя бы на одинъ годъ, а караваны замѣнить частными (купеческими) и предоставить отправленіе ихъ кому желательно. Тѣмъ не менѣе съ 1758 г. по 1762 г. жалованье не могло быть переслано въ Пекинъ.

Положеніе русской миссіи въ Пекинъ за это время было очень печальное. Изъ-за неотдачи русскими въ китайскую сторону бѣглецовъ богдыханъ приказалъ съ осени 1759 г. запереть російскій монастырь, въ которомъ жили православные миссіонеры, и вонъ ихъ никуда не выпускать. Сверхъ того, приставленъ былъ къ нимъ крѣпкій караулъ и на воротахъ посольскаго двора были прибиты указы съ угрозою смертной казни тому, кто изъ китайскихъ подданныхъ отважился бы войти въ помянутый монастырь. Неизвѣстно, сколько времени пробыли наши миссіонеры подъ арестомъ. Вѣроятно они были освобождены отъ караула до полученія листа російскаго правительства.

По вступленіи на престолъ императрицы Екатерины II. 28 августа 1762 г. она объявила о своемъ намѣреніи отправить въ Китай знатное посольство, о чемъ повелѣла дать знать курьеру Кропотову и снабдить его особымъ по этому дѣлу наставленіемъ. Въ октябрѣ онъ отправился изъ Москвы, взявъ съ собою оператора Елачича, да изъ московскаго университета Петра Якимова. Получивъ отъ селенгинскаго коменданта мягкой рухляди для выдачи архимандриту со свитою въ жалованье (на сумму 11050 р.), Кропотовъ отправился за границу. Съ дороги онъ повернулъ въ Жэхэ, гдѣ богдыханъ въ это время забавлялся охотою, а караванъ съ тяжестими отправилъ прямо въ Пекинъ. Послѣ представленія богдыхану, Кропотову дана была аудіенція китайскими министрами во главѣ съ Фугуномъ. Послѣдній объявилъ русскому курьеру, что посольство съ російской стороны будетъ охотно принято въ Пекинъ. При семъ случаѣ Кропот-

кинъ просилъ продать въ Пекинѣ казенную мягкую рухлядь, а серебро вырученное отдать російскимъ священникамъ. Ему дано согласіе и приставленъ къ нему нарочный чиновникъ, съ коимъ Кропотовъ прибылъ въ Пекинъ 28 іюня и о. архимандрита со свитою нашелъ въ добромъ состояніи.

Русскій посланецъ пробылъ недолго въ Пекинѣ; чванные маньчжуры сильно притѣняли Кропотова. При отъѣздѣ пекинскій трибуналъ не далъ ему отвѣтнаго листа. Такое положеніе продолжалось до 1767 г., когда китайцы сами выразили желаніе возобновить сношенія. Капитанъ Кропотовъ съ его секретаремъ Алексѣемъ Леонтьевымъ былъ во второй разъ посланъ въ Пекинъ съ порученіемъ уладить всѣ затрудненія, результатомъ чего явился отдѣльный актъ (отъ 18 октября 1768 г.) или дополненіе къ трактату 1728 года. Въ 1764 г. трибуналъ ничего не отвѣчалъ насчетъ перемѣны миссіи, а приготовляемую новую нельзя было послать до окончанія пограничныхъ дѣлъ. Между тѣмъ, св. Синодъ заявилъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ о нуждѣ перемѣнить миссію. Коллегія только 26 мая 1767 г. извѣстила святѣйшій Синодъ о скоромъ наступленіи полезнаго оборота въ сношеніяхъ съ китайцами и предлагала озаботиться составленіемъ новой миссіи. Въ ожиданіи прибытія ея члены пятой миссіи постепенно, одинъ за другимъ, сходили въ могилу. Едва-ли не первымъ умеръ іеродіаконъ Сергій (30 сентября 1768 г. на 54 году), за нимъ послѣдовалъ іеромонахъ Софроній (30 Іюля 1770 г.). Наконецъ и крѣпкій организмъ начальника миссіи не выдержалъ: о. Амвросій умеръ 1 іюля 1771 г. на 54 году отъ рожденія. Надгробный памятникъ безъ всякаго преувеличенія гласитъ о немъ, что съ 1754 г. «во многихъ какъ церкви святѣй и любезному отечеству полезныхъ дѣлахъ упражнялся 17 лѣтъ всеусердно; при томъ же въ различныхъ нуждахъ каждому помоицествовалъ словомъ, совѣтомъ, разсужденіемъ и дѣломъ». Памятникъ, по преданію, поставленъ его пекинскими друзьями, іезуитами, которые на другой сторонѣ камня написали китайскую эпитафію. Послѣ начальника миссіи скончался еще дьячекъ Алексѣй Цаниловъ, такъ что въ Россію вернулись только двое членовъ: іеромонахъ Сильвестръ (Спицынъ), умершій въ Иркутскѣ 7 марта 1773 г. и дьячекъ Степанъ Зиминъ, съ именемъ Никона постриженный въ число братіи

Свято—Троицкія Сергіевы лавры и рукоположенный затѣмъ
во іеродіакона.

